

ВЛАДИМИР ТРОФИМОВ

*доктор юридических наук,
действительный член РАЕН*

РАССТРЕЛ

Прошло уже двадцать лет с момента памятных событий, известных как расстрел “Белого дома”. Именно тогда, двадцать лет назад, возник конфликт парламента с президентом России Борисом Ельциным, который сначала вылился в осаду парламента, а потом и в его расстрел из танков.

Так получилось, что где-то за год до начала этого противостояния я перешел на работу в аппарат Верховного Совета РФ, в Комитет по международным делам. Перешел из Министерства иностранных дел России. Там я до этого работал довольно долго, дослужился до первого секретаря. Наверное, мог продолжать работать и дальше, голодным не остался бы. Были и деньги, и поездки за границу, да и в целом достаточно безбедное существование. Но не надо забывать, что это было самое начало девяностых годов, период сразу после распада СССР. Тогда шел дележ имущества Советского Союза, установление новых отношений с Западом. И сотрудники МИДа были в полной мере втянуты в этот процесс.

А процесс этот, надо отметить, был довольно грязным. Имущество растаскивалось, национальные интересы приносились в жертву другим государствам. Причем непонятно за что. Хорошо быть простым бездумным чиновником, который тупо выполняет поручения начальства и при этом особо не задумывается над смыслом того, что именно он делает. Но вот мне так существовать было неприятно. Тем более что до этого в течение почти двадцати лет я занимался совсем другим делом – пытался отстаивать национальные интересы Советского Союза. Нельзя сказать, чтобы в тот период мои инициативы уж очень приветствовались начальством. Но меня и не увольняли, хотя порой прижимали за излишнее рвение. В МИДе традиционно ценятся специалисты, которые знают предмет, но не лезут в политику. Что им скажут, то они и делают. А инициатива – это лишние проблемы для начальства, надо вникать, разбираться, брать на себя ответственность.

Я не был потомственным дипломатом и не настроен был платить любую цену за дипломатическую карьеру. Отец был летчиком-истребителем, воевал вместе с Покрышкиным, прошел всю Великую Отечественную, а потом и корейскую войну, получил звание Героя Советского Союза, дослужился до генерала. Мать тоже участвовала в Великой Отечественной войне, причем стрелком-радистом на танке. Так что по части общественного статуса и патриотического воспитания у меня изначально было все в порядке.

Так вот, после распада СССР я столкнулся с такими мерзостными и глупыми действиями высшей российской власти, что выдержать это было трудно.

И не мне одному. В тот период много дипломатов расстались с родным министерством. И нередко именно потому, что было тошно участвовать в грязных делишках, а подчас и просто в предательстве государственных интересов.

Я успел проработать в парламенте целый год. История с осадой и расстрелом “Белого дома” началась для меня еще во второй половине дня 21 сентября 1993 года. Уже прошел слух, что Ельцин решил разогнать Верховный Совет. В общем, народ об этом говорил достаточно уверенно. Ко мне в это время пришла какая-то иностранка, занималась наукой, собирала данные для своей книги. Я ей в разговоре так тогда и сказал: “Если сегодня Верховный Совет не закроют...” Вечером я уехал домой. Только приехал – по телевизору зачитывают указ президента. Что делать? Я развернулся и поехал назад в “Белый дом”, хотя и не был уверен, что кого-либо там встречу.

Приехал туда около девяти часов вечера. Комитет по международным делам располагался с обратной стороны здания парламента, на третьем этаже, прямо над двадцатым подъездом, с окнами на стадион. Сразу на площадке третьего этажа находился зал для заседаний Комитета. Но там никого не было. Неужели приехал напрасно? Я прошел дальше по коридору, к своему кабинету. Он был дверь в дверь с входом в кабинет председателя Комитета. Дверь туда была открыта. Значит, кто-то был внутри.

Вообще-то председателем Комитета до этого времени был Амбарцумов. Он сменил Лукина, который уехал послом в США. Это был довольно-таки осторожный человек, старавшийся в первую очередь ни с кем не конфликтовать. А в составе Комитета несколько членов, которые активно выступали в защиту национальных интересов, – известный космонавт Виталий Севастьянов, Сергей Михайлов, журналист Иона Андронов, ленинградец Евгений Пудовкин, Александр Соколов. Они заседаний Комитета не прогуливали, заранее готовились по важным вопросам, старались противостоят попыткам ельцинистов продавать национальные интересы за границе. И Амбарцумов вынужден был считаться с их мнением, подписывал документы, которые подчас очень не нравились в Кремле. Но не исключаю, что если бы на него не было давления членов Комитета, он бы не стал так поступать.

Неужели он вышел на работу после такого указа? Посмел ослушаться Ельцина? В это верилось с трудом. Но кабинет-то его открыт! В чем же дело? Я приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Там шло заседание Комитета, хоть присутствовали далеко не все. Во всяком случае, упомянутый мной выше актив сидел за столом и довольно бурно что-то обсуждал.

Вообще-то я и мог, и должен был присутствовать на заседаниях по должности. Так что формальное основание зайти внутрь у меня точно было. А вдруг это какое-то неформальное совещание? Ну, тогда мне просто скажут, чтобы я вышел. И я шагнул внутрь. Как выяснилось, навстречу своей судьбе.

Сидевшие за столом были одеты неофициально, кое-кто даже в джинсах, что было необычно. С другой стороны, было понятно, что они не готовились к этому заседанию и точно так же, как и я, приняли решение срочно приехать.

Все на мгновение замолчали и, повернув головы, стали меня пристально разглядывать. Длилось это всего лишь мгновение. На лице говорившего, это был Михайлов, промелькнуло какое-то сомнение, но он отвернулся от меня и продолжил. Другие тоже отвернулись. То есть меня приняли. Но уже по этой реакции стало понятно, что тут идет речь о чувствительных вопросах. Кстати сказать, я оказался тогда единственным из аппарата Комитета, кто вернулся в “Белый дом”. И единственным, кто там сидел вплоть до 4 октября, до самого расстрела.

Обсуждали сложившуюся после ельцинского указа ситуацию. Каких-то радикальных контрходов никто не предлагал. Просто каждый высказывал свое мнение. Было понятно, что Ельцин вышел за пределы своих полномочий, четко определенных Конституцией. В ней было яснее ясного записано следующее:

“Статья 104. Высшим органом государственной власти Российской Федерации является Съезд народных депутатов Российской Федерации.

Съезд народных депутатов Российской Федерации правомочен принять к своему рассмотрению и решить любой вопрос, отнесенный к ведению Российской Федерации”.

Ну, какие тут могли быть толкования? Четко и ясно. Более того, дальше в тексте Конституции полномочия парламента прописаны предельно подробно. Из них следовало: президент в полной мере подчиняется парламенту.

А в другой статье Конституции было сказано буквально следующее:

“Статья 121-6. Полномочия Президента Российской Федерации не могут быть использованы для изменения национально-государственного устройства Российской Федерации, роспуска либо приостановления деятельности любых законно избранных органов государственной власти, в противном случае они прекращаются немедленно”.

И тут текст предельно ясен. Неужели в этом случае могли быть хоть какие-то толкования или недопонимание? Кстати, конечно же, нигде в той Конституции не говорилось, что президент является ее гарантом. Такое положение вошло лишь в следующую Конституцию, которая действует и поныне.

Собственно говоря, ситуация насильственного разгона парламента обсуждалась довольно долго и подробно и в предыдущие месяцы. Этот вопрос стоял в повестке дня двух съездов подряд. Именно поэтому вышеупомянутая статья 121-6 сначала должна была вступать в силу только после общероссийского референдума. Но в связи с тем, что угроза государственного переворота стала выглядеть вполне нешуточной, очередной съезд ввел эту статью в действие, отменив условие о референдуме.

Короче, эта тема была уже сто раз проговорена на всех уровнях. Теперь наступило время, когда Ельцин практическими действиями нарушал Конституцию. На столе лежал текст его указа с крайне недвусмысленным содержанием. То есть надо было обсуждать уже не гипотетическую, а вполне реальную ситуацию.

То, что действия Ельцина незаконны и антиконституционны – понятно. Но что этому противопоставить? Все-таки ельцинский указ прямо не предполагал применение силы. То есть вроде бы получалось, что орган исполнительной власти вдруг ни с того, ни с сего заявил, что он распускает высший орган власти страны. Но из этого следовало, что Ельцин должен был автоматически утратить свои полномочия. И все остальные органы власти должны были именно из этого и исходить. То есть не выполнять его указаний.

Однако если не выполнять указаний Ельцина, то чьи указания выполнять? Если Ельцин утратил полномочия, то в таком случае у подъезда парламента уже должны были стоять представители всех министерств с вопросом, что им делать дальше и кто теперь их непосредственный начальник. Однако очереди явно не наблюдалось. Даже в тот первый вечер было понятно, что органы исполнительной власти по крайней мере не сочли, что у них теперь есть новое руководство в лице Верховного Совета или даже Съезда. Хотя силовики не были готовы в тот момент и выполнять указания Ельцина по насильственному разгону парламента.

А если силовые ведомства все-таки встанут на сторону Ельцина? Что тогда? Применение силы против депутатов? Аресты? Как в восемнадцатом: “Караул устал”? Тут нужно отметить, что в начале 1993 года Ельцин уже склонялся к мысли разогнать парламент. Более того, активно к этому готовился. Его аппарат сочинял проекты соответствующих указов. Сам же Ельцин пытался найти союзников в лице руководителей силовых министерств. Но тогда не нашел. Может быть, именно потому в первой половине 1993 года переворот и не удался.

А теперь как? Если силовики не изменили своих взглядов, то и теперь можно было рассчитывать, что все закончится пусть и противостоянием, но все-таки без применения насилия, без стрельбы и убийств. Кстати, тут в качестве отступления нужно отметить, что практически сразу после объявления этого указа собрался Конституционный суд, который объявил действия Ельцина неконституционными. А после этого собрался не только Верховный Совет, но и Съезд народных депутатов. И на съезд прибыло достаточно депутатов, чтобы сформировался кворум. Съезд принял вполне недвусмысленные решения по Ельцину и назначил Руцкого исполнять обязанности президента страны.

Именно потому депутаты, участвовавшие в том заседании Комитета по международным делам, сходились во мнении, что насильственные действия совершенно немыслимы. Силовой разгон парламента в ядерной стране представлялся невероятным вариантом. Конечно же, на нашу сторону должны были встать другие государства, особенно западные. Ведь они так агитировали

за установление истинной демократии в России. И они, конечно же, должны были помочь нам принудить Ельцина отказаться от власти.

Депутаты горячо обсуждали все эти темы. А я сидел в сторонке и, сказав честно, был настроен скептически. В отличие от многих членов парламента я давно занимался международными делами. При этом меня учили в МГИМО не пустословию, а реальному пониманию внешней политики и международных отношений. А за годы работы в МИДе у меня появился и немалый практический опыт, в том числе в рамках сложных международных переговоров. И сказать честно, к этому моменту я уже не раз сталкивался с тем, что на словах страны Запада выступали за демократию, за права человека, за международную справедливость. А на деле использовали эти разговоры лишь как орудие, позволявшее получить доступ к ценным ресурсам, а также взять под контроль политические процессы в той или иной стране.

В общем, я не склонен был доверять нашим западным “друзьям”. Хотя и мне в голову не шел вариант, чтобы депутатов, избранных народом, можно было безнаказанно разогнать, арестовать, а то и убить. Даже по моим, намного более реалистичным меркам такое тянуло как минимум на международный бойкот. Я не мог себе представить, чтобы в такой очевидной ситуации риторика Европы и США столь существенно разошлась бы с конкретными делами.

Да и почему Запад должен был поддержать именно Ельцина? Да, конечно, за прошедший год парламент довольно много усилий предпринял для того, чтобы защитить национальные интересы России. Именно через наш Комитет решались вопросы иностранных инвестиций в добычу нефти, газа и других природных ресурсов. И условия конкретных соглашений далеко не всегда находили у нас понимание.

Именно Комитет по международным делам активнейшим образом пытался строго контролировать процесс двустороннего разоружения с США. Ельцин же и его сторонники были готовы чуть ли не на любое разоружение. Но парламент тормозил излишнюю ретивость ельцинистов.

Именно парламент поднял в тот же период вопрос о финансовых последствиях вывода советских войск из ГДР. Так получалось, что Горбачев там проявил непонятную щедрость и просто подарил немцам миллиарды долларов. Мало кто теперь знает, что тогда на рабочем уровне уже была согласована и даже парафирована с немцами договоренность о выплате нам компенсации в несколько миллиардов долларов за оставленное имущество. А тут вдруг Горбачев объявил о нулевом варианте. Так вот, даже спустя годы существовала юридическая возможность поставить вопрос о возврате России этих денег, несмотря ни на какие “нулевые варианты”. Для этого для начала надо было объявить, что Горбачев действовал как предатель своей страны. В Венской конвенции о праве международных договоров такая ситуация прямо оговорена.

В общем, парламент активно боролся за интересы России, за то, чтобы не делать другим странам слишком уж широких подарков. Понятно, что это не очень нравилось за рубежом. Но не поддерживать же из-за этого заведомо антиконституционные действия Ельцина! Ведь он наносил удар в самое сердце демократических процессов в России.

После обсуждения взоры депутатов вдруг обратились ко мне. “А кто будет обеспечивать работу Комитета? Как у нас с аппаратом?” Аппарат в единственном числе сидел тут же, на стуле. “Вы согласны дальше работать с нами?” В общем-то, этот вопрос был излишним. Если бы я не был согласен, то просто остался бы дома, и никто бы меня не осудил. Но я не остался, а вопреки ясно выраженной воле президента страны явился в “Белый дом” на свое рабочее место.

Короче, тут же за меня проголосовали. И я с того момента стал руководителем аппарата Комитета.

Мне отдали ключи от всех служебных комнат, попросили обеспечить сохранность имущества, взять на себя функции обеспечить режим. А главное, как профессиональному дипломату поручили сочинять проекты обращений и заявлений Верховного Совета на международные темы. В результате такие обращения, а их за те дни было принято немало, все написаны моей рукой. Правки в них, конечно же, вносились. Но основное содержание сочинялось именно мной.

К сожалению, толку от тех воззваний и постановлений было не слишком много. В конечном итоге из всех стран мира нас официально так никто и не

поддержал. Не поддержали и в ООН, куда мы обратились с просьбой направить в Россию наблюдателей. Кто-то говорил, что в нашу защиту выступили сорок членов нижней палаты парламента Великобритании. Но про это я слышал только с чужих слов и так и не смог найти тому подтверждения в документах. То есть нас не поддержал никто, никакие депутаты парламентов других стран. В этом смысле наше положение было даже хуже, чем у Милошевича – его во время натовской агрессии все-таки поддержал целый ряд стран, не говоря уж об общественности.

Поначалу, как известно, никакой блокады “Белого дома” не было. Ельцин и его команда явно рассчитывали на то, что после указа все депутаты разбегутся по домам, как крысы. Часть разбежалась. Но далеко не все.

А я в тот первый день уехал на ночь домой, потом на следующий день приехал назад в “Белый дом” на работу. Ко мне, надо отметить, в дальнейшем присоединился еще один мой товарищ. Он не входил в состав аппарата Комитета, а еще раньше решил пойти к одному из депутатов Верховного Совета в качестве помощника. Но не успел оформиться. Я не называю его имени и фамилии по той простой причине, что не знаю, в какой мере он сам хотел бы, чтобы его упоминали в контексте всех этих трагических событий. Причина только в этом.

Вообще из всего многочисленного состава МИДа потом к Верховному Совету подошел только еще один сотрудник – Олег Зиборов. Мы с ним тесно общались, он нам сильно помогал. Даже потом чуть не перешел на работу во вновь выбранный парламент – Думу. В последующие годы он сильно подрос по должности, стал постоянно работать с Путиным в качестве переводчика. И дело не только в том, что он хорошо знал немецкий. Олег действительно отличный работник, тут я выбор руководителя нашей страны понимаю. К сожалению, он недавно скорпостижно скончался. При достаточно странных обстоятельствах.

А других наших дипломатов я в “Белом доме” в те дни не увидел. Вот такая патриотическая подготовка у них оказалась. Правда, потом в личных разговорах то один, то другой утверждал, что они там были и даже что-то помогали. Но я в этом сомневаюсь. Если бы были, я бы точно их там увидел.

Надо честно признать, что российское население Верховный Совет не слишком поддерживало. Около “Белого дома” ходили, конечно, какие-то люди, но их было немного. Может быть, в лучшем случае пара-тройка тысяч. Это были казаки, студенты, бывшие военные. Часть из них ночевала в “Белом доме” или где-то рядом. После того, как здание окружили колючей проволокой, именно они и остались внутри.

Но до колючей проволоки в тот момент было еще далеко. Поначалу никто не мешал входить в “Белый дом” и выходить из него. На подъездах, как всегда, стояла милиция, проверяла документы. Все буфеты и столовая работали в обычном режиме. В этот период я пару раз оставался в “Белом доме” на ночьку. Нам выдали раскладушки с постельным бельем, которые я поставил в своем кабинете. Это были дни, когда проходили заседания Верховного Совета, а потом и десятого Съезда народных депутатов.

Сказать честно, меня очень угнетало, что население нас не поддерживает. Несколько тысяч человек вокруг “Белого дома” было, конечно, просто каплей в море. Вообще-то, если покопаться в мировой истории, то народ во все времена относился к своим парламентам, как правило, с сомнением и недоверием. Люди ведь любят видеть быстрый результат работы. И искренне верят, что хороший руководитель может в одно движение решить любую проблему. Просто надо отдать решительное указание, вот и все. Рубануть, и все дела! Потому-то бывших военных нередко охотно выбирают на политические должности. А тут какие-то разговоры, обсуждения, бесконечные заседания и голосования. Причем кто-то всегда выступает “против”. Как тут разобратся в такой мутной материи? В общем, простое население, как я считаю, никогда не будет любить депутатов. И дело тут не в том, что нами руководил чеченец Хасбулатов и нерешительный Руцкой. Коренные причины – в отторжении института парламентаризма, в неприятии сложного и непонятного механизма выработки парламентских решений.

Наступила суббота. Был яркий солнечный день. Я ехал на своем стареньком “жигуленке” в “Белый дом”. Очень ясно помню, как подъезжал к Таганке и еще раз вспомнил о том, что население России на нас, по сути, наплевало.

От этой мысли, от обиды меня просто стали душить слезы. Ведь мы не просто боролись за власть. Мы хотели, чтобы Россия была справедливо устроена, чтобы негодяи во власти не торговали направо-налево государственными интересами.

Однако у “Белого дома” в тот день собралось народа побольше, чем обычно. Может быть, тысяч пятьдесят или даже сто. Шел митинг. Пришедшая публика была довольно приличного, не бомжиного вида. У меня отлегло от сердца. Уже сейчас я, конечно, понимаю, что и это количество не означало поддержки большинством населения. Не могу в этой связи удержаться от одного довольно неприятного сравнения, которое мне потом пришло на ум при следующих обстоятельствах. Как-то в будний день довольно поздно вечером я проезжал мимо стадиона “Динамо”. Шел дождь. Но народу было много, очень много, десятки тысяч. Все они, невзирая на поздний час, на то, что завтра рабочий день, на дождь, шли на футбольный матч. Стадион был забит до отказа.

Иными словами, если нашим людям захочется, то они готовы сидеть полтора, а то и два часа под дождем на ледяном стадионе. А к нам не приходили даже бесплатно и в воскресенье, когда ярко и приветливо светило солнце. Значит, не очень хотелось.

В этой связи не могу не вспомнить еще один эпизод. Как-то судьба занесла меня по работе в заштатный французский городок Страсбург. Смотрю — по улице идет толпа людей. И конца-края ей не видно. Я подошел к одному из демонстрантов и попытался выяснить, чего же они хотят, почему чуть ли не половина города вышла протестовать. Против чего? Что такое ужасное случилось в их жизни? Мне объяснили, что местные власти на какие-то доли процента увеличили пенсионные отчисления, или что-то в этом роде. И все враз вышли на демонстрацию.

Однако надо признать, что эти митинги в субботу и воскресенье у “Белого дома” вызвали двойственный результат. С одной стороны, вроде бы они продемонстрировали поддержку со стороны населения. А с другой, ельцинисты не на шутку перепугались. В результате на следующий день здание парламента окружили милицией и опутали колючей проволокой. Всех выпускали, но никого не впускали. Я попытался силой прорваться в переулке около посольства США. Меня схватили и больно помяли. Подействовали только аргументы о том, что я доктор наук. Милиционеры чуть поостыли и в конце концов через какое-то время отпустили меня.

Тогда я спустился к “Белому дому” уже по Калининскому проспекту. Между мэрией и “Белым домом” собралась толпа таких же, как я. Милиция никого не пропускала. Народ ругался, совал милиционерам в нос Конституцию. Так продолжалось, наверное, полчаса. Нождаданно я увидел, что изнутри к милиции подходит Иона Андронов. Я стоял в первом ряду, как-то так получилось, что я стал нажимать на милицию, толпа поддержала, усердно пихая в спину. Милиция такого поворота дел не ожидала, и целостная линия защиты вдруг распалась.

Возникла сумятица, милиционеры меня хватали, валили, я вырывался.

Потянулись длинные дни осады. Я звонил жене и говорил, что ничего страшного, что бояться нечего. В общем, успокаивал, как мог. Наверное, она не восстала против моей затеи не только потому, что я усыпил ее бдительность. Она болезненно переживала всякую несправедливость. А тут несправедливость была налицо. Конечно, понятно, что если бы я не поддержал депутатов, меня бы наверняка обласкали и хорошо пристроили куда-нибудь в администрацию президента, обеспечили бы и квартирой, и другими благами. И жена это все хорошо понимала. Но все-таки не поддавалась корыстным расчетам.

Что мы делали в осаде? Надо сказать, обстановка внутри “Белого дома” была интересной. Там царил необычайный подъем, энтузиазм. Постоянно возникали какие-то публичные дискуссии с большим количеством участников. Всяк мог высказать свое мнение. И все друг друга выслушивали охотно и со вниманием.

Даже все буфетчицы остались на своих местах и всеми силами старались нас как-то получше подкормить. Наверное, те же чувства испытывала и милиция, которая стояла на проверке пропусков внизу каждого подъезда.

В самом начале осады я видел, как к “Белому дому” несколько раз подъезжали черные “волги”, тяжело осевшие из-за перегрузки. Думаю, это под-

возили оружие. Действительно, как оказалось, это было оружие, но самое простое, какое только можно было придумать. Пистолеты ПМ и автоматы АКСУ-74, такие короткоствольные, которыми вооружена милиция. Как потом выяснилось, пуля, выпущенная из этих автоматов, не могла даже пробить двойное оконное стекло в “Белом доме”.

Другого оружия я не видел. В принципе, мы в Комитете по международным делам были хорошо проинформированы. Если бы были запасы какого-то серьезного вооружения, я бы знал. По сути дела, защитники “Белого дома” были вооружены пугачами. Это совпадало с идеологией самого протеста – с голыми кулаками против вооруженных до зубов силовиков.

В ходе моего “сидения” в “Белом доме” случилось несколько примечательных событий, о которых следует упомянуть. Самое сильное впечатление произвели на меня те люди, которые пришли нас защищать, взяв в руки оружие. На нашем этаже сидело трое таких ребят. Они были вооружены этими милицейскими автоматами. Я расспросил их, кто они такие. Это были военнослужащие, уволившиеся из армии. То есть формально пенсионеры. Жители Москвы. По званию от майора до подполковника.

Только вдумайтесь в это! Люди, уже имевшие хорошую военную пенсию в возрасте до сорока пяти лет, живущие в Москве, бросили свои семьи и в целом благополучную жизнь и пришли умирать за таких, как я. Для меня это было самое тяжелое моральное испытание во всей эпопее.

Помню и эпизод с провокатором. Я сидел в столовой и обедал. Вдруг ко мне подсел какой-то молодой человек. Он сказал, что он из дипломатической академии, преподаватель. И вот узнал меня. Более того, он назвал мою и фамилию, и имя. Его же лицо было мне незнакомым.

Так вот, этот тип начал меня горячо уговаривать уйти из “Белого дома”. “Мы все погибнем тут”, – говорил он. При этом довольно-таки заметно тряса всем телом. Сказать честно, я ему не очень-то поверил. Конечно, погибнуть шанс был, тут он не врал. Но, во-первых, хочешь уйти – уходи. Зачем для этого вербовать сообщников? Никаких проблем покинуть “Белый дом” не было. Выходи наружу и иди себе восвояси, никто не держит.

Во-вторых, было немного странно, что он знал меня по МИДУ, причем даже так хорошо, чтобы запомнить имя и фамилию. А я его совершенно не знал. Что уже было необычно – юристов-международников не так много, и волей-неволей мы где-то пересекались на тех или иных совместных мероприятиях. Даже если ты просто сотрудник МИДа, все равно твое лицо будет более или менее знакомо.

В конце концов он нацарапал на бумажке свой домашний телефон и передал его мне. Врать не стану, из любопытства я его сохранил. И более того, через месяц, когда уже все было кончено, позвонил по нему. Хотя сделал это с некоторым напряжением. А вдруг это был никакой не провокатор? И он погиб, а дома сидит его вдова и дети-сироты?

Трубка подняла женщина, видимо, жена. Мне надо было просто попросить позвать к телефону этого товарища. Но я не нашел ничего умнее, чем спросить, все ли с ним в порядке. Женщина на том конце провода так удивилась, что вопросов больше не оставалось. По ее реакции было видно, что этот деятель ни в каких “сомнительных” делах типа защиты парламента от путчистов не участвовал.

Еще ко мне в “Белый дом” передавали записку, в которой было написано, что у моего отца инфаркт, и он просит меня приехать, чуть ли не попрощаться перед смертью. Михайлов, член Комитета, который передавал мне эту записку, был, кажется, уверен, что я уйду. Но я сказал, что останусь. Позже я узнал, что никакого инфаркта у отца не было.

Как-то раз, еще до колючей проволоки, в “Белый дом” пришел Кургинян. Он выступал в холле, забравшись на возвышение. Его слушала пара депутатов, а в основном простые зеваки. Кургинян всех очень твердо убеждал, что расстрел немыслим, невозможен. Все охотно ему поддакивали. Что случилось на самом деле, мы знаем. Как выяснилось, народ отнесся к расстрельному мероприятию довольно спокойно. Ну, расстреляли, и расстреляли. Бывает. Выберем новых.

Припоминаю еще один эпизод. Как-то в наш закуток зашел генерал Макашов. Его охраняла целая толпа людей. Возможно, что он и сам был вооружен. Ясно было, что он – один из организаторов вооруженной обороны. Я об-

ратился к нему с вопросом, не собираемся ли мы идти на попятную перед Ельциным. Он меня заверил, что этого не будет.

Наконец наступило третье октября 2003 года. Мы, конечно, не знали, что развязка близка, и в этот день отправились по каким-то мелким делам в другую часть здания. По дороге попытались заглянуть в импровизированную церковь, сооруженную в одной из комнат над третьим подъездом. Я там и раньше бывал. Незадолго до штурма там прошло богослужение. На меня оно произвело большое впечатление. У меня возникло стойкое чувство, что мы делали не только правое, но и богоугодное дело.

Где-то в районе полудни стала слышна стрельба у здания бывшего СЭВа. Все кинулись к окнам, в том числе и я. Стало ясно, что демонстранты и наши сторонники снаружи прорвали осаду. Наверное, мы испытали чувства, отдаленно похожие на то, что ощущали ленинградцы после прорыва фашистской блокады.

Я выскочил наружу. Со стороны мэрии вдоль "Белого дома" вели огромную колонну милиции. У них были понурые испуганные лица, и брели они точно как пленные фашисты. Оружия, понятное дело, у них уже не было. Кто-то усиленно кричал по громкоговорителю, что это не пленные, что милиция перешла на нашу сторону.

Как же не пленные! Все было ясно написано на их мордах. Тоже мне во-яки! Чуть топнули ногой, чуть стрельнули, они сразу лапы кверху подняли. Как шакалы. Смелые только тогда, когда их много, а жертва беззащитная. Они у меня вызвали только чувство отвращения.

Тут же, напротив нашего третьего подъезда встретил депутата Уражцева, который был членом Комитета. Откуда он взялся? Ведь в "Белом доме" его с нами не было. Тут же выяснилось, что он и его сторонники арендовали рядом с "Белым домом" одну из квартир в жилом доме. И сидели там, ожидая, чем дело кончится. Если парламент расстреляют, то всегда можно сказать, что был непричастен, внутри не сидел, ничего не знаю. А если победит парламент? Тогда надо поскорее выскочить из этой квартиры и смешаться с толпой защитников "Белого дома". Имитируя, что тоже был чуть ли не в осаде. Что Уражцев нам и продемонстрировал.

Тут же мое внимание переключилось на баркашевцев, которые пробегали мимо. Они во время осады находились в "Белом доме", носили военизированную черную форму. Выучка у них была классная. Им дали команду, и они побежали вперед, в переулок между американским посольством и гостиницей "Мир". Бежали они цепочкой один за другим, с коротким интервалом, причем очень быстро, лавируя при этом в густой толпе. Скажу честно, мне бы не хотелось иметь таких бойцов в качестве противников.

В тот же день перед "Белым домом" состоялся большой митинг. Он проходил на участке между третьим и двадцатым подъездами, со стороны стадиона. Выступал Руцкой, наговорил Бог знает чего. Его слова хорошо известны, и считается, что именно они привели к кровопролитию. Я думаю, Руцким в тот момент руководил порыв, давление момента было столь велико, что можно было запросто заговориться. Хотя если ты берешься командовать всей страной, то можно уж было, наверное, за все время сидения в "Белом доме" проработать те или иные варианты выступлений и действий, чтобы не изобретать сомнительные экспромты.

Кстати, о Руцком. Во время осады ко мне подошли какие-то товарищи и предложили организовать выступление Руцкого в эфире. Они говорили, что могут с помощью каких-то ловких технических средств выйти в общероссийский эфир, на время вытеснив "Останкино". Было ли это на самом деле возможно, или нет, я судить не берусь. Не исключено, что это на самом деле была провокация с целью выманить Руцкого куда-нибудь и там либо захватить в плен, либо просто убить. Очень даже может быть. Но тут интересно другое. Я через депутатов довел этот вопрос до самого верха. Со мной в конце концов встретился пресс-секретарь Хасбулатова. И что же, вы думаете, он мне сказал? Я-то ожидал, что Руцкой выступит с каким-нибудь свежим обращением к нации, а мы потом будем пристраивать записанную пленку. На крайний случай я ожидал, что у Руцкого уже имеется по крайней мере несколько записанных обращений на разные темы. Да ничего подобного! Оказалось, что есть в наличии только одна старая пленка его первого выступления. И все! Ничего себе претендент в президенты!

После митинга состоялось пленарное заседание Верховного Совета. Оно началось, если не ошибаюсь, часов в шесть вечера. Где-то около семи слово взял Хасбулатов и сообщил, что, по имеющейся у него информации, к Москве двинулись воинские части. Зачем — он не знает. На этих словах мы и разошлись.

Слова Хасбулатова заставили меня изрядно насторожиться. Если бы воинские части перемещались для защиты парламента, то Руслан Имранович точно бы знал об этом. Получалось, что войска двинулись в Москву по указанию Ельцина.

Я вернулся в кабинет. И тотчас же меня позвали на вход двадцатого подъезда. Так иногда случалось. Кто-то приходил с какими-то серьезными вопросами, и чтобы не звать по каждому случаю депутатов, приглашали меня или еще кого-то, кто был в курсе всех дел и мог решить проблему на месте. Снаружи стояла группа довольно молодых и крайне возбужденных ребят. Они срывающимися голосами наперебой говорили, что в Останкино началась стрельба, многих убили, войска стреляют в толпу без разбора. Я побежал к депутатам. На кого уж там я наскочил сгоряча, даже и не помню. К ребятам выходить не стал. Сказал, что, мол, не волнуйся, во всем разберемся, все под контролем.

Через какое-то время режим охраны здания стал предельно либеральным, уж не знаю почему. Милиция продолжала стоять в подъездах, но при этом уже не требовала предъявлять пропуска. Около восьми часов вечера я обнаружил, что в зал заседаний Комитета по международным делам кто-то заселился. Кто такие? В комнате было около тридцати совсем юных девчонок и мальчишек. Лет по пятнадцать-семнадцать, никак не больше. Одеты довольно своеобразно — какие-то короткие штанишки, шлейки на спине накрест. В общем, детский сад. Они суетились, бегали, что-то таскали, хохотали. Выяснилось, что это группа украинских комсомольцев. Приехали защищать Верховный Совет. И вот пробрались через милицию на входе и самовольно заселились в нашем зале заседаний.

Ну, что тут было делать? Единственно, я их попросил не прикреплять свои плакаты кнопками к двери. Дверь была из хорошего дерева. А они уже наметились на нее. На том и расстались. Надо ли было их предупредить, что тут становится опасно? Я в этот момент еще сам не был уверен, что тут будет мясорубка.

В общем, я не знаю их дальнейшей судьбы. Надеюсь, что охрана их предупредила и они успели покинуть здание. После штурма я смог побеседовать с уборщицей с нашего этажа. Она рассказала, что эти дети предварительно оставили у нее самые ценные вещи, чтобы не пропали. После расстрела никто за этими вещами не пришел.

Я часто вспоминаю этот эпизод, когда заходит речь о количестве жертв в ходе тех событий. Ясное дело, можно посчитать людей, которые жили в Москве, которые ушли к “Белому дому” и не вернулись домой, и о них заявили родственники. А если люди из другого города? Другой страны, наконец? Кто считал их трупы? Сгребли, сожгли в крематории, и концов никаких.

...Время шло. Было около двенадцати часов ночи между третьим и четвертым октября. Я понимал, что уже в полночь вполне может начаться штурм, и морально готовился к этому. Неожиданно Иона Андронов, глава Комитета, предложил мне сопровождать его в посольство США. Он хотел поговорить с ними поговорить, чтобы не допустить штурма “Белого дома”. У меня и у Андропова не было сомнений, что американцы могли решить этот вопрос.

Итак, мы отправились к американскому посольству. Благо, что оно было совсем рядом. Подошли со стороны переулка, в боковой вход. Надо признать, что американцы встретили Андропова очень любезно. Даже предупредительно. Иона Ионович зашел внутрь, а я остался снаружи, подождать, чем же дело закончится. Ждать пришлось довольно долго. Когда он наконец вышел, на нем не было лица. На все наши вопросы он только с отчаянием махнул рукой. Стало понятно, что американцы определились окончательно и предстоит вооруженный штурм парламента. Да иначе и не могло быть, если уж Ельцин дал указание двинуть вооруженные части к Москве. Рядом с ним было достаточно советчиков. Они бы обязательно отговорили Ельцина, если бы все это не было предварительно согласовано с американскими покровителями.

В посольстве Андронов общался не с послом, а с американским резидентом. Они были более или менее знакомы, может быть даже до степени определенной доверительности. Иона в конце концов связался по телефону с Виталием Чуркиным, который и был координатором и связующим звеном между американцами и ельцинистами. С тем самым Чуркиным, который теперь является представителем России в ООН. Чуркин говорил с Андроновым в крайне оскорбительной форме. При том, что нужды оскорблять у него, профессионального дипломата, в той ситуации точно не было. Мог бы просто формально ответить отказом, и все. Но, видимо, эти оскорбления шли от души, от самых сокровенных внутренних убеждений. В общем, переговоры с ним кончились ничем. Договориться, чтобы дальше как-то избежать ненужного кровопролития, не удалось.

Тут мы с Андроновым разделились. Он вернулся в “Белый дом”. А я решил проехаться по ночной Москве и посмотреть своими глазами, что и где на самом деле творится. Поначалу решил поехать в Останкино. Все-таки туда пошла вся масса демонстрантов. И именно оттуда пришла информация о применении силы, о начале расстрела мирных граждан. Было уже совсем темно. По пустой Москве доехал до Останкино в одно мгновение.

Уже на повороте на бульвар можно было заметить многочисленных людей, стоявших на газоне. Это были остатки той самой миллионной демонстрации. Несмотря на то, что часть людей уже была убита, не все участники демонстрации разбежались. Я думаю, несколько тысяч человек там точно осталось. Они стояли в темноте небольшими группками, переговариваясь. В радиусе метров пятисот от здания телецентра не было никого. Какие-то ребята подробно рассказали, что именно тут произошло за последние часы. Демонстрация подошла к зданию, остановилась. Вдруг раздалась стрельба. Стреляли снайперы с самой телебашни. Открыли огонь и БТРы, которые через некоторое время прибыли к зданию. Стали падать раненые и убитые. Началась паника. Никто такого зверства не ожидал.

Стреляли прямо по людям, без разбора. Да, конечно, были командиры, которые отдавали приказы. Но ведь у снайперов и своя голова была на плечах. Ведь никто же не заставляет тебя стрелять в безоружного человека. Можно и рядом выстрелить... Если цель – разогнать людей, то, конечно же, этого было бы достаточно. Нет, эти снайперы вели прицельный огонь. И ведь они до сих пор живут между нас с вами. Очень было бы интересно докопаться до этих людишек. Наверняка они получили какие-то медали, денежные премии за свое преступление. Что-то должно было остаться в архиве.

Я перешел от группы к группе и расспрашивал об обстановке. Все рассказывали примерно одно и то же. Были не только раненые, но и убитые. И это были обычные демонстранты, без оружия.

Многие предупреждали, что не нужно собираться слишком заметной группой. Несмотря на темноту, могут разглядеть снайперы. И подстрелять. Если уже стреляли на поражение, то и еще могут. Резон в этих советах явно был. То, что мы на прицеле, я и не сомневался. Но где-то внутри на подсознательном уровне не мог поверить, что можно вот так, без причины стрелять в безоружных людей, в мирную демонстрацию.

Неожиданно ситуация изменилась. На перекрестке немного левее нас на пересечении с Новомосковской и ближе к Телецентру вдруг как-то удалось перевернуть грузовик. Я не успел рассмотреть участников. Наверное, их было немало. Видимо, они хотели соорудить что-то вроде баррикады. Перевернутый грузовик вдруг загорелся. Подожгли? Кто?

Все это не осталось незамеченным. Один из БТРов вдруг завел свой двигатель и двинулся по улице Королева в нашу сторону. Не останавливаясь, протаранил горящий грузовик, отбросив его в сторону как спичечную коробку. Затем, уже на нашем уровне, совсем близко, вдруг выстрелил в воздух из пушки.

Все тут же попадали на землю. Машина тем временем повернула, съехала с асфальтированной дороги на газон и покатила почти прямо на нас. Машина ехала к нам, и я вдруг очень ясно понял, что еще чуть-чуть, и я окажусь под этими огромными резиновыми колесами. Но БТР проехал от нас метрах в сорока. Кажется, он при этом ни на кого не наехал, хотя катил довольно быстро, а люди лежали-то на земле, совсем незаметные!

В этот момент я испытал необычное чувство, которое не посещало меня никогда ни до того, ни после. Я вдруг явственно ощутил, что меня волнует

только одна моя собственная жизнь. Другие люди отошли куда-то на второй план. Это чувство посетило меня лишь на мгновение. Но я запомнил его очень ясно. То есть инстинкт самосохранения вдруг взял на себя руководство моим телом, отключив всякие соображения об общественном и личном долге. Я даже и не подозревал до этого момента, что со мной может приключиться что-то подобное.

Все было тут ясно. Ельцинисты отдали команду разгонять демонстрантов, даже если для этого придется применить оружие. И их слуги не замедлили это сделать. Пролилась невинная кровь. И было понятно, что если здесь отдана такая команда и она выполняется именно таким образом, то и с “Белым домом” и депутатами церемониться никто не станет.

Больше тут делать было нечего. БТР проехал по кругу, вернулся и встал чуть подалеже горевшего грузовика. А я с нелегким сердцем отправился к машине, чтобы продолжить поездку по Москве. Но куда дальше? Вспомнил, что в этот день по телевидению показывали улицу Горького. Может, туда? Так и сделал. Почти доехал до Пушкинской площади, оставил машину и пошел на разведку.

Улица Горького на пересечении с Бульварным кольцом была перегорожена какой-то баррикадой. На краю баррикады стояла бронемашина, но без пушки. Вид у нее был довольно своеобразный. Какой-то не боевой, не армейский. Частная собственность? Похоже, что именно так и было.

На баррикаде было полно народа, в основном это были молодые ребята довольно плотного телосложения. Тут же еще одна группа молодых парней строилась в шеренгу. Человек двадцать. Они повернулись и пошли организованной колонной. Одеты они были кто во что, явно не военнослужащие. Более того, вид у них был как у народного ополчения, выправки никакой.

У каждого из этой разнопородной ватаги через плечо в чехле висело по винтовке. Чехлы у винтовок были все разные, но некоторые были довольно длинные. И слишком широкие в середине. Снайперские винтовки? Скорее всего. Сейчас принято считать, что огонь по “Белому дому” вели снайперы из “Альфы”. А так ли это было на самом деле? Например, Иона Андронов в своей книге “Моя война” (“Под огнем. От Афгана до Москвы”) рассказывает, что в расстреле “Белого дома” участвовали иностранные снайперы по линии “Моссада”. Очень даже может быть, спорить не стану. Но те, кого я там видел, вряд ли были тайными зарубежными боевиками. Хотя бы по одной той простой причине, что если бы они прибыли из-за рубежа, то сохраняли бы режим секретности и не дефилировали перед многотысячной толпой на Пушкинской площади. Нет, то были скорее всего волонтеры отечественного пошиба.

Тут же, рядом с баррикадой шел митинг. Я стал вслушиваться в выступления. И стало ясно, что ребята с винтовками вызвались воевать с “Белым домом”. Народное ополчение? Из кого? Охрана капиталистов? Афганцы? Я думаю, тут было что-то другое. Не выглядели эти снайперы как охрана у бизнесменов или как бойцы, прошедшие Афганистан. Иначе они себя держали. Они выглядели скорее как добровольцы из этих самых бизнесменов. Самоуверенный вид. Они точно знали, за какие интересы шли проливать чужую кровь. Но при этом явно не были знакомы с армейскими строевыми порядками.

Вдруг мы увидели новое представление. Большая группа молодежи выстроилась в широкую шеренгу, во всю ширину улицы Горького, поближе к зданию мэрии. И неожиданно с диким криком побежала в сторону баррикады. Это было что-то типа репетиции штурма. В этой шеренге было довольно много народа, человек пятьсот, по моим подсчетам. Зрелище жуткое.

Тут к нам подошел какой-то старичок. И крайне недружелюбно сказал, даже почти прошипел буквально следующее: “Шпионы могут и жизнью поплатиться!” Скажу честно, одного брошенного на него взгляда было достаточно, чтобы определить, что это за персонаж. Да и говорок у него был, прямо скажем, хорош, не ошибешься. Но как он определил, кто я такой? Видимо, что-то выдавало во мне чужака.

Избегав самосуда и расправы, я счел, что уже увидел все самое существенное, и решил еще раз проехать к “Белому дому”. Поехал по переулкам параллельно Бульварному кольцу в сторону Калининского проспекта. Но выскочив на Садовое кольцо в районе площади Восстания, увидел на асфальте ясно различимые следы гусениц. Прошли три машины. Но след был поуже, чем у танка. Боевые машины пехоты? И куда же, интересно, они направились в столь критический момент?

На площади Маяковского следы повернули налево, в сторону Белорусского вокзала. Я последовал в том же направлении. И наконец настиг свою цель. Да, действительно, я не ошибся. Это были именно боевые машины пехоты. Они развернулись и стояли носом к центру города. А их окружала большая толпа галдящих ребят. По виду из той же компании, которую мы только что видели на Пушкинской площади. Возрастом все, пожалуй, лет до тридцати. Одеты, как правило, в черное, в кожу. Но явно не военнослужащие. Никакие не афганцы. И не бандюги. Они там то ли активно митинговали, то ли к чему-то призывали. Я проскочил БМП и встал немного поотдаль, ближе к гостинце “Советская”, тоже развернувшись носом к центру города и не глуша двигатель. От машин меня отделяло метров сто, не больше. Чуть в стороне, на боковой дорожке я заметил еще один автомобиль, тоже “жигули”. Сидевшие в ней люди занимались тем же, чем и я. То есть внимательно наблюдали за происходящим. Мне почему-то пришло в голову, что это были сотрудники спецслужб. Уж очень удобно для наблюдения их машина стояла. Чувствовалось, что там неслучайные пассажиры.

А ребята вдруг на наших глазах от слов перешли к действиям. Залезли на броню, начали колотить в люк. При этом непрерывно орали. Но что именно, слышно не было. По виду было похоже, что они что-то там требовали.

Неожиданно одна из машин выстрелила из пушки. Та была направлена в сторону домов, в район крыши. Звук выстрела был просто оглушительным в безмолвном городе. Мне даже показалось, что я услышал, с каким свистом снаряд рассекал воздух. Куда же он попал? Вряд ли в дом, это было бы заметно. Но пушка была ориентирована точно на уровне дома. Видимо, выстрел был произведен в просвет между зданиями.

Вся шатия-братия вмиг полетела кувырком с брони. Я и другой “жигуль” ударили по газам. И полетели в одном направлении — в сторону стадиона “Динамо”. Отъехав метров двести, притормозил. Другая машина сманеврировала и встала за угол дома, чуть высунув нос, откуда и продолжила наблюдение. А нам стало все предельно ясно. Дело шло к началу штурма здания “Правды”. И в этом мероприятии собирались принять участие указанные боевые машины пехоты, явно подведомственные МВД. А также многочисленные волонтеры. Которые, судя по всему, требовали не тянуть и начать немедленно. А бойцы, сидевшие в бронемашинах, не спешили. Очевидно, ждали приказа.

И было понятно, какой именно это будет приказ. Если был произведен выстрел, это означало только одно — у бойцов имелось разрешение применять оружие. Скорее всего, на поражение, иначе они так смело не начали бы стрельбу из пушки в центре города.

Если готовился штурм здания издательства “Правда”, причем с участием боевых машин пехоты, имевшихся в распоряжении МВД, это означало, что имеется и общий приказ на штурм “Белого дома”. Если тут, а также в Останкино были боевые машины, которые, не стесняясь, стреляли даже не из пулеметов, а из пушек направо и налево, значит, примерно то же самое должно было произойти и у “Белого дома”. И до момента, когда должен был быть отдан приказ на штурм, оставалось совсем немного. Во всяком случае, тут, на Ленинградском шоссе, эти БМП явно вышли на исходные позиции и ждали только команды действовать.

Раздалась стрельба. Огонь велся сразу из многих стволов. Я открыл окно и прислушался. Было около семи утра. Сомнений не оставалось. Начался штурм “Белого дома”. Значит, ехать туда было уже поздно.

Все, насилие началось! Ельцин отдал приказ стрелять как по депутатам, так и по тем своим согражданам, которые пытались защищать Конституцию и сделали попытку остановить беспредел власти. Им ответили свинцом. Маски были сброшены, президент ясно показал, что он не намерен считаться с какими-либо законами. Вооруженный мятеж Ельцина перешел в свою завершающую фазу — физическое уничтожение своих политических оппонентов, в первую очередь выступивших против него депутатов. Народ их избрал. А Ельцин решил расстрелять.

Через день после расстрела я решил подъехать к зданию парламента. Подошел к “Белому дому” со стороны мэрии. “Белый дом” был оцеплен. Даже издали было видно, что охрана сожженного здания парламента была явно пьяная. И вели себя эти люди как ошалевшие от выпитой крови скоты. Эти

люди могли запросто выстрелить и в нас, в небольшую группу москвичей, стоявших у ограждения и обменивавшихся мнениями о случившемся.

За ограждением, метрах в тридцати от нас, в траве лежало два трупа. Это были защитники “Белого дома”. Они где-то прятались, но в конце концов решили выбраться, полагая, что уже все кончено, и они не попадут под пули. Как рассказывали нам очевидцы, они выскочили из своего укрытия и побежали прочь. Но тут же были убиты выстрелами в спину этой самой охраной. Зрелище было ужасное. Ведь уже не было никакой осады “Белого дома”. Все лидеры парламента и Руцкой сидели в тюрьме. Всех, кого собрались убить или арестовать, уже были убиты или арестованы. То есть не было абсолютно никакой необходимости забирать жизнь у этих несчастных людей, пришедших к своему парламенту защищать Конституцию. Но их все-таки убили. Картина трупов этих несчастных, лежавших неподалеку от нас, будет стоять у меня перед глазами, наверное, до конца моих дней.

Где-то через неделю я правдами и неправдами получил пропуск на посещение “Белого дома”. Мне разрешили вынести мои личные вещи. Отдельная история, как именно мне это удалось. Но вот удалось. Помог Шелов-Коведяев, первый заместитель министра иностранных дел. Я с ним случайно встретился на Новом Арбате. Он бросился ко мне как к старому знакомому. Я тоже изобразил предельную радость. И повел себя как человек, ни сном, ни духом не причастный к сопротивлению Ельцину. Шелов-Коведяев тут же организовал, чтобы я мог зайти в сожженное здание парламента и забрать свои вещи из кабинета.

Зрелище внутри здания было, конечно же, ужасное. Особенно пострадало крыло в районе третьего подъезда, то есть угол, обращенный в сторону мэрии и посольства США. В районе нашего, двадцатого подъезда, то есть на другом углу здания, тоже были разрушения, но намного меньшие. Тут тоже шел бой, но, судя по всему, не такой интенсивный.

Я сначала зашел в центральный подъезд, находившийся ровно посередине между третьим и двадцатым. До штурма центральный подъезд представлял из себя что-то похожее на витрину большого магазина, шириной метров семьдесят. Теперь все стекла снаружи были усеяны пулевыми пробоинами. Я зашел внутрь, но к своему удивлению обнаружил, что внутри, в холле, совершенно отсутствуют пулевые пробоины на стенах и потолке. Успели отремонтировать за десять дней? Непохоже. Я внимательнее пригляделся к стеклам.

Удивительное дело, но пули, похоже, не пробивали двойное, а то и тройное стекло. Первое стекло они пробивали, конечно же. Но, судя по всему, в результате деформировались. Уже в таком виде, потеряв значительную часть энергии, они разбивали второе стекло, причем дырки были большими, в кулак. И падали, ударившись о третье стекло.

Я обратил внимание на заметно более крупные пробоины, шедшие цепочкой в наружном остеклении на высоте двух или даже двух с половиной метров. Я думаю, это были следы очередей из крупнокалиберного пулемета, с башни БТРа. Самое интересное, что и эти пули не смогли оставить даже самых малых повреждений на стенах, хотя, конечно же, прошли все три стекла навывлет. Видимо, закаленные стекла “Белого дома” спасли в тот день немало жизней.

Внутри центрального подъезда все-таки была какая-то перестрелка. Похоже, кто-то бежал вверх по ступеням, а его пытались подстрелить. Цепочки выбоин от пуль тянулись вверх, вдоль лестницы, при этом попали в межэтажные зеркала. Видимо, защитников “Белого дома” тут не смогли перестрелять, по крайней мере, сразу.

Я поспешил в район двадцатого подъезда, на свой третий этаж. Надо ли говорить, что именно я при этом ощущал? Там я обнаружил следующее. Дверь кабинета моего коллеги Юрова, находившаяся почти напротив моего кабинета и выходящая окнами на стадион, была выбита, причем, похоже, ударом ноги. На окне вверху слева виднелись две пулевые пробоины. Я мельком огляделся, пытаюсь обнаружить следы крови. Однако, приглядевшись, понял, что стреляли не снаружи, а изнутри. Очевидно, кто-то из защищавшихся выбил дверь, вбежал в комнату, вскочил на стол и попытался по кривой, сквозь стекло, выстрелить наружу. Обе пули пробивали первое стекло в оконной раме. Но при этом деформировались и потеряли энергию. Настолько потеряли, что уже не пробивали второе стекло, а только оставили на нем хорошо различимый след. Я пригляделся. Обе искореженные пули лежали внизу рамы, между

стеклами. Получалось, что милицейский автомат не смог прострелить навывлет даже двойное оконное стекло. Кстати, может быть, это было и лучше для этого стрелка. Иначе его бы обнаружили и тут же и пристрелили бы. Но этого не произошло. Во всяком случае, в этом окне не было пробоин от пуль, левших снаружи.

В другом месте, однако, бой все-таки состоялся. На лестнице, которая вела с нашего этажа на четвертый, было разбито окно. Вся внутренняя стена была при этом испещрена следами от пуль. Большинство пулевых попаданий были довольно неглубокими. Но часть пуль выбила в стене довольно глубокие дырки. Я думаю, это были следы от пуль, выпущенных соответственно из автомата и из снайперской винтовки.

Кто-то уже прошелся по всем кабинетам. Ни компьютеров, ни других дорогостоящих предметов видно не было. Я потом поинтересовался, что стало с документами, захваченными в “Белом доме”. Оказалось, что таких набралось около пятидесяти тонн. Их все свалили навалом в каком-то зале размером со школьный для занятий физкультурой. И один архивный работник разбирает всю эту кучу. Я думаю, такими темпами работы лет на двести вполне хватит. Будет, что потом почитать.

В связи с расстрелом парламента нужно рассказать и еще об одном эпизоде. Я о нем знаю со слов Ионы Андропова. Как известно, в ночь перед штурмом он остался внутри здания парламента и потом предпринял серьезные усилия, чтобы не допустить кровопролития. Когда их выводили, он обратил внимание на одного из бойцов “Альфы”. В альфовскую одежду был одет один из сотрудников посольства США в Москве, которого Андронов хорошо знал лично. Они встретились глазами. И Андронов решил, что теперь он точно не жилец. Но все, к его удивлению обошлось, его не тронули.

Я думаю, что американец в этой ситуации проявил благородство и отнесся к Ионе не как к противнику, который мог его потом разоблачить, а как профессионал к профессионалу. Уж не знаю, доложил ли он своему начальству об этом эпизоде, или нет. Но понятно, что достаточно было ему даже устно обратиться к ельцинистам, и Андропова, конечно же, быстро бы “убрали”. И концов потом бы не наши.

Что там делал этот американец? Я не думаю, что он участвовал в штурме. Даже наверняка нет. Скорее он должен был своими глазами увидеть все, что там происходило, и подробно доложить начальству. На всякий случай. Другое дело, что этот эпизод показывает связи Ельцина и его окружения с США. Если уж сотруднику посольства разрешили надеть форму “Альфы” и присутствовать при штурме, значит, было полное доверие и взаимопонимание.

Часто я слышал мнение, что прорыв блокады вокруг парламента был хорошо спланированной провокацией. Что все было задумано заранее и “Белый дом” никогда не мог победить Ельцина, ни при каком раскладе. Я с этим не согласен, и вот почему. Как я уже говорил, перед самым штурмом сидевшие внутри здания парламента передавали друг другу записки своим родственникам на случай своей гибели. Отдали довольно много таких записок и мне. Я оставил их все у себя дома. Там они и пролежали какое-то время. Затем я их взял и стал разбираться, кому звонить, а кому — нет. По счастью, те люди, которые передавали мне эти записки, все остались живы.

Однако одна записка особо привлекла мое внимание. Это не было письмо к родственникам. Там были какие-то числа, фамилии, а также фразы, на первый взгляд не имевшие смысла. Однако, приглядевшись, я не смог удержать возгласа удивления. Цифры были номерами воинских частей. А что значили фамилии? Связники, руководители этих частей? Очень может быть. Если так, то обретали смысл и внешне бессвязные фразы, написанные напротив номеров частей. Возможно, это были пароли, которые означали, что наступил момент выступить на стороне Верховного Совета против ельцинистов. “Над всей Испанией чистое небо”?

Если я не ошибся с квалификацией того, что именно означала эта записка, что выходит, что все-таки были договоренности с воинскими частями.

Как известно, министры Баранников и Ачалов постоянно обещали депутатам, что вот не сегодня, так завтра к парламенту подойдет воинские части. Но они так и не подошли. Видно, плохо эти руководители договаривались. Если вообще договаривались. Но скорее всего такие же переговоры шли и уровнем ниже. И вот там договоренности, похоже, имелись.

У меня есть предположение, почему этот вариант все-таки не сработал. В наши ряды затесался предатель, и я представляю, кто именно. А мы были недостаточно осторожны. Но если бы проявили осторожность и не привлекали к этому делу лишних людей, то не исключено, что история России развивалась бы дальше совсем по другому сценарию.

Действительно, если бы на стороне парламента выступили хоть какие-то воинские части, это предотвратило бы расстрел. Ведь в нем участвовало всего несколько танков. А регулярные части в штурме участия не принимали. Да и в Останкино, насколько я понимаю, по безоружным демонстрантам стреляли не солдаты, а бойцы ОМОНа. Гражданская война? Эти слова очень любят повторяют ельцинисты и либералы. Мол, они предотвратили всеобщую бойню. Ерунда все это, никакой гражданской войны, конечно же, не было бы. Все эти ельцинские защитнички и нувориши тут же разбежались бы по углам, если бы им дали отпор. А точнее, все бы вмиг удрали за границу, к своим хозяевам и покровителям.

В тот же день я эту записку уничтожил. В тот момент обладание подобными бумагами могло запросто стоить жизни, и не только мне. Кто именно тогда передал мне эту записку, я не помню, в тот момент было не до того, народу было много, в "Белом доме" царила неразбериха и суматоха.

Будущий музей расстрелянного парламента пусть ищет себе в экспозицию другие исторические документы. Не сомневаюсь, что когда-нибудь наши с вами потомки отважатся на создание такого музея.

А пока ясно, что последняя точка в истории расстрела "Белого дома" еще не поставлена. Многие участники этих событий пока предусмотрительно помалкивают. До сих пор закрыты многие архивы, содержащие документальные свидетельства о событиях 1993 года. Да и сама власть не слишком склонна поощрять изыскания в этой области. Ведь в результате разгона парламента кремлевские заправилы смогли всеми правдами и неправдами проташить принятие Конституции, по которой мы и поныне живем. Если публично признать, что Ельцин совершил антиконституционный переворот, возникает и вопрос о законности этой нынешней Конституции, а заодно и о законности всех кремлевских властей. Однако я уверен, что время сказать всю правду о кровавой осени 1993 года еще придет.